

Л. Н.
АНДРЕЕВ

Избранное

Леонид Николаевич Андреев

Воскресение всех мертвых

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2786055

Аннотация

«Трубным кличем архангелов было возвещено миру о грядущем воскресении всех мертвых. Завтра во славе грядет Господь всех сил, и мертвые восстанут из гробов.

И с того же часа стала преображаться земля. Еще не наступило новое, а уже кончилось старое, растаяло, как дым, исчезло, как мучительный сон тысячелетний. Как будто их и не было никогда: отошли все заботы о жизни, страдание и печаль, болезни и смерть; и не стало никакой иной заботы у живущего, как только в радости и красоте встретить завтра грядущего Господа...»

Содержание

Леонид Николаевич Андреев Воскресение всех мертвых *Мечта*

Трубным кличем архангелов было возведено миру о грядущем воскресении всех мертвых. Завтра во славе грядет Господь всех сил, и мертвые восстанут из гробов.

И с того же часа стала преображаться земля. Еще не наступило новое, а уже кончилось старое, растаяло, как дым, исчезло, как мучительный сон тысячелетний. Как будто их и не было никогда: отошли все заботы о жизни, страдание и печаль, болезни и смерть; и не стало никакой иной заботы у живущего, как только в радости и красоте встретить завтра грядущего Господа.

Быстро и легко спадало с земли ее рубище, одежда серая и печальная. Еще действовали на земле те темные и загадочные силы, непримиримые и беспощадные, что раньше назывались законами природы и все сущее подчиняли своей суровой и грозной власти, но

все медленнее становился их тяжелый ход, все нерешительней – проявления. Так замедляет свой ход машина, подходя к последней остановке; так медленнее движет свои полные воды река, впадая в море; так вяло, нерешительно, ласково и слабо распоряжаются цари, сходя с трона. Еще приказывают они, но уже не ждут исполнения и равнодушны к последствиям. И еще шумело темное море, и ветер двигался по своим кругам, но не было уже ярости в извечном шуме морском, и не гибли корабли: стихало море, плескалось тихо, ложилось спокойно. И местами еще догорали пожары, но не стало ярости и силы и у огня: светило пламя кровавым светом своим, но уже не жгло оно, не сжигало, не обжигало до боли, а почти ласково бродило по округности, затихая.

И еще было пространство, делимая бесконечность, ужас возврата вечного, – и кто хотел делить его по-прежнему, тот еще делил, и кто хотел идти или ехать или бежать, тот ехал и бежал; но уже не было и пространства, и становился человек там, где он хотел быть: здесь, там, везде – и здесь, и там, и везде. Еще не знали люди, как это делается, а уже делали: вдруг вошли в свои гавани, в свои бухты, заливы и стоянки все корабли – из самых дальних стран вернулись мгновенно; и в сумраке предвечернем над морем стихшим гирляндами повисли светящиеся окон-

ца огромных парашодов, земных гигантов. И где еще по рельсам бежали, а где по воздуху неслись, а где и мгновенно становились в месте желаемом многочисленые поезда с бесчисленными пассажирами.

И еще было время, делимая бесконечность, ужас возврата вечного: двигались стрелки по кругу, на колокольнях звонили часы, темнота наступала, а уже не стало и времени: начиналось вечное, что не измеряется, не движется, не течет, а пребывает вечно – одно во всем, и все в одном.

И уже не стало ни верха, ни низа; ни вчера, ни сегодня; ни здесь, ни там – одно во всем, и все в одном, образ истинный и вечный. Неслышно и быстро преобразалась земля под властью нового Царя, Господа всех сил, секиры разрешающей.

И по всей земле стала тьма, но это не была та прежняя страшная ночь, что, как тень смерти, ложится на одну сторону земли и ползет по ней, подобно гаду: все круглые и милые бока земли с ее синими океанами и золотой твердью окутала одна тихая и прозрачная мгла, тьма голубая и ясная, смягченный свет. И не для страха была она, не для злых дел ночных, не для возврата и снов обманчивых и мучительных, как прежде, а имела она дать земле и людям некоторый ласковый и стыдливый покров: пусть в некоторой тихой тайне готовится мир, спешно и радостно украшается кра-

сотою, тихо облекается в одеяния брачные, наряды праздничные, одежды светлые. Кто отнимет радость у невесты, стыдливо украшающей себя к прибытию жениха? Все званы на пир, и ждет ласковый хозяин гостей нарядных и смеющихся.

Поспешно скидывала земля одежду мертвого скормороха, личину тленную. И еще не наступило новое, а уже кончилось старое, кончилось сразу и навсегда, растаяло, как туман, исчезло, как ужасный сон тысячелетний, – ушло тихо и навсегда. И даже не думали о нем, так тих и незаметен был его уход, так ясна и всем понятна стала мрачная ложь тысячелетий; и даже не вспоминали о нем, и не было человека на земле, который оглянулся бы назад в глухую тьму ушедшего, с радостью или гневом, тоскою или проклятием. Все узнать и все понял человек, все простил и все любил, нашел все, что искал: все понял и все узнал человек. И не стало ни печального, ни больного, ни скорбного; и не стало ни чудесного, ни странного, ни удивительного; и не стало ни доброго, ни злого. Погибла самая память о былом, и остановились все дела.

Останавливались и остановились все поезда, пароходы, все машины плавающие, бегающие и летающие. Останавливались и остановились все фабрики, заводы, все машины; делающие и творящие, биллионы железных сил. И стих ужасный грохот, лязг и звон,

стук и бряцание, вой и свист, шипение и гул – стихал и стих страшный и печальный голос бесчисленных железных сил, крутящихся в вихре непрестанного движения.

Открылось все запертое, все двери и ворота: у тюрем и у дворцов, у домов и церквей, железных звериных клеток и конур, – все двери открылись и стали открыты. Еще стояли дома, громады каменных клеток, поставленных одна на другую; и еще проходили улицы между домами, и еще были города, но уже не было ни домов, ни улиц, ни городов: легкими призраками высились когда-то тяжкие стены, сотканые из тумана; кое-где таяли уже, исчезали бесшумно. И еще были люди и звери; еще были цари и нищие, рабы и господа, мужчины и женщины, дети и старики, больные и здоровые, – но уже не было ни царей, ни нищих, ни мужчин, ни женщин, ни детей, ни стариков. И уже вышли звери из лесов – так-таки и вышли, покинули норы, гнезда и логовы свои: вошли, вползли, влетели в города, ласковые и прекрасные звери, доселе неведомые друзья. И красивы стали улицы, окутанные тьмой голубой и прозрачной, когда среди праздничных людских одежд замелькали прекрасные тигровые пятна, и тихий блеск чешуи, кожи змеиной, вплелся в темень толпы, и зеленые огоньки звериных чудесных глаз затеплились понизу и поверху, впереди и сзади. И мно-

гие каменные стены сразу становились прозрачными, быстро и тихо таяли, когда возле зажигался огонек звериных глаз: пропадали города, как злые призраки – ни одного города не должно было застать великое и последнее утро.

Все пришли звери, и только медведь запоздал: спал крепко, долго не мог проснуться, хотя и слышал сквозь сон клич архангелов; а когда проснулся, то сразу все понял и все узнал, поспешно заковылял на своих вывернутых лапах, еще не вспомнил, что может так – и не идти, и не двигаться, а просто так.

И еще почивали мертвые в своих гробах.

И всем очень хотелось гулять, но было некогда: надо было украситься, быть готовыми к утру. И вот такой спешки еще никогда не было на земле, даже в великий день творения ее: в одну короткую ночь украсить всей красотой всему живому и всему существу. Ночь тепла и прозрачна, но ночь коротка: и с тихим шелестом, как знамена в ночи, развернулись листья на деревьях, поползли травы из теплой земли, целые гигантские деревья, целые леса возникали в мгновение и строились праздничными рядами, толковали тихо, как расположиться красивее. Торопливо распускались цветы, несметная рать детей божьих, белые и красные, голубые и лиловые: и каждый цветок обдумывал внимательно красоту свою, проверял

лепестки и пестики – а их было множество – несметная рать детей божиих! Старались и камни: твердые базальты, холодные граниты, жестокие порфиры – торопливо ровняли кристаллы свои, чудесную каменную ткань; и даже тот ничтожный камушек, что года лежал на площади под ногами, тоже старался: что-то такое делал внутри себя, задыхаясь от поспешности. Торопились и воды морские, речные, озерные и болотные: растекались наикрасивейше, переливались цветами, ища наилучшего, приготавливались к необыкновенным отражениям, чистили свое пречистое зеркало. И даже та маленькая лужица, что только вчера захворала от сухости и готовилась к смерти, засуежилась в беспокойстве: что-то такое делала внутри себя, задыхаясь от великой поспешности.

Украшались и звери красотой: подновляли пятнисто-золотистые шкуры свои, отряхивались пушистыми хвостами, пробовали друг на друге свет глаз своих – торопились. Украшались птицы и гады; и таинственные чудища морские и подземные любовно чистили свои щиты и панцири, подновляли бородавки и мозоли кожистых животов своих – обдумывали наряд. И вещие очи их, доселе обреченные на тьму и тайну, широко открылись миру, водянисто блестели в голубой и прозрачной мгле, лежавшей над синим океаном. Украшались насекомые: и каждый, и каждая, и каж-

дое тщательно обдумывали безумно сложный наряд свой; и пестрые бабочки, несметная рать детей божьих, торопливо крыли пыльцой новенькие крылышки свои, пробовали полет, наикрасивейше располагались на взошедших уже лугах, среди расцветших уже цветов, их родных братьев по Богу. И те невидимые человеческим глазам, но зримые глазу Божьему, мириады бесчисленные, – и те украшались торопливо: что-то такое делали внутри себя, отчего и они становились праздничными, достойными внимания и похвалы.

И уже тишина наступала, но еще не наступила она: откуда-то с краев земли и с высот над землею шел сдержанный грохот и гул. То грома небесные готовились к приветствию, то горы сдвигались, равняясь в праздничные ряды; то льды; холодных полюсов возносили кристальные арки и мосты, проверяли иступившиеся грани свои; то грома небесные готовились к приветствию, рокотали сдержанно, как великаны на спевке.

И торопливо украшались красотой люди. Еще не все знали, что такое красота, но этого и не нужно было знать: было красотой все, что хотело быть красотой и радостью *приветствия*. Торопливо и весело раскрашивались полинезийцы, вставляя новые щепочки в уши и носы, татуировались без боли; чистили воро-

ных коней арабы и в белейших бурнусах своих гарцевали в пустыне, готовясь и горяча коней; внимательно брились англичане, по два раза проходя бритвой по одному и тому же месту; рядились бабы в пестрые паневы¹, и генералы надевали ордена и звезды. И что считали праздничным и красивым, то и надевали; и не было разницы в красоте между царской древней короной, усеянной жемчугами, и рваной рубахой из рядины², цветистой татуировкой на бронзовом теле. И тот негритянский маленький царек, что носил на голове жестяную коробку от консервов, так и надел ее; и те, что были военными, облеклись в парадные лучшие мундиры, украсились позолотой, пуговицами блестящими и шнурами; и те, что носили черные фраки, надели черные фраки; и многие дамы надели бальные открытые платья и сделали прическу; и та печальная и грешная дама, у которой было раскрашено лицо и имелась одна только чрезмерно большая шляпа – снова накарсила свое серое лицо и надела чрезмерно большую шляпу. Даже и полицейские надели форму свою, так как была она для них красивейшим, что они знали; и каждый внимательно обдумывал свой наряд, искал наилучшего. И, что бы каждый

¹ *Панева* – старинная шерстяная юбка особого покроя, одежда замужних женщин на юге России и в Белоруссии.

² *Рядина* – нарядная праздничная ткань.

ни надевал, все было хорошо, красиво и уместно: все было красотой, что хотело быть красотой и радостью приветствия.

Но жила на земле одна бедная и одинокая старуха, у которой не нашлось на тот час ни единой праздничной одежонки: и уж хотела заплакать она, точно и не слыхала клича архангелов. Заплакать хотела она, глухая, глупая, бестолковая старуха, не имевшая даже единой одежонки праздничной, платка белого! Но вдруг просветлела она светом внутренним: и стали морщины ее прекрасны, и седина ее стала прекрасна; и вошла она в круг званых, как прекраснейшая из прекрасных.

Не было сна на земле в ту последнюю и голубую ночь; тихо шумела она, как муравейник, и каждый маленький муравейник, государство лесное, шумел на ней: облакался красотой, готовился к приветствию. Ибо каждого отдельного, кто бы он ни был, завтра назовет Господь по имени. Ибо каждого отдельного, кто бы он ни был и как бы мал он ни был и сколько его ни было на земле: каждую отдельную песчинку, каждую инфузорию, букашку самую маленькую и скромную, – *каждого отдельного завтра назовет Господь по имени*. И знал каждый отдельный про радость и великое уважение, готовящиеся ему, и торопился изо всех сил, не думал, что он плох, потому что мал и

незаметен. Каждого увидит, каждого заметит, каждому окажет уважение Господь всех сил, секира разрешающая, благодать безмерная, любовь бесконечная. И незаметно таяла ласковая и стыдливая тьма, становилась розовым предутренним светом.

Просветлялись светом небеса, ровно просветлялись отовсюду: еще было и пространство, и время, но уже не было ни времени, ни пространства, ни запада, ни востока, и отовсюду поднималось солнце – единое солнце во множестве солнц; как бы равниной цветущей стала вся округлая земля, единым собранием собравшихся. И по мере того как светлело небо, утихла на земле предпраздничная милая суэта, – все уже готовы были, не было запоздавших и отсталых, все уже готовы были. Вместе со светом сходила на землю тишина, и сколько было света, столько было и тишины; и становился свет необъятным и необъятной становилась тишина.

Но еще почивали мертвые в своих гробах истлевших.

И вот взошли солнца на небеса и наступило утро обещанной радости. И наступила та необъятная, великая и необыкновенная тишина, когда тихо все: и земля, и небо, и всякий голос молчит, и море зеркально, и ветер пал, и нет ни шороха, ни всплеска, ни единого звука, хотя бы смеха детского. И тихо ждали все,

любуюсь красотой земли.

Но еще мертвые почивали в истлевших гробах своих!

И тихо ждали все, любуюсь красотой земли. Растаяли с туманом города, и одним садом прелестным стала вся земля, вся ее цветущая равнина; красивейшими купами, никому не мешая и никого не тесня, раскинулись мощные округло-пышные деревья; и взошла трава зеленая и богатая, и цветы пестро-цветные скромно и нежно благоухали, и бабочки беззвучно трепетали крылышками своими – несметная рать детей божиих! Ждали все. Но и самый воздух ждал в каждой живой частице своей – также приготовился за ночь, украсился красотой воздушной. Но и самые небеса ждали, приготовились за ночь, подновили синеву свою и углубили глубину. И прекрасные звери свободно раскинули свои гибкие тела, никому не мешая и никого не тесня, как цветисто-пестрые цветы, и прекрасные люди смешались с цветами и птицами в едином саду Господнем. Любовалась своею красотой прекрасная земля.

Но еще мертвые не проснулись, но еще мертвые почивали в гробах своих истлевших!

Любовалась красотой своею прекрасная земля; и ждали все. Тихо разгорался тихий свет, светлело утро обещанной радости; и ждали все. И вот, огром-

ное белое облако, предножие трона небесного, серебряный стяг, встало недвижимо посередь небесной синевы. И знали все, что это не простое облако, не сгущение сырых и холодных паров, а нечто особенное, предназначенное для украшения. Было оно огромно и светозарно; чудесно были очерчены его округлые, светящиеся края, и весь образ его был несказанно прекрасен; и взыграла красотой небесная синева, его державшая; и стояло оно недвижимо – серебряный стяг, предножие трона небесного. Так и от Себя послал Господь украшение на радость и развлечение взорам ожидающих.

И ждали все. И тихо разгорался тихий свет, светлело утро обещанной радости. И вот уже приблизилось оно, сейчас наступит. И насторожились громы, тихо шевельнули громоносной пастью своею, подумали про себя: осанна!

И вот разверзлись небесе и.....

Здесь кончилось человеческое, и мертвые восстали.